

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН,
почетный профессор социологии Йельского
университета (США)

Модернизация: мир праху ее

Abstract

The article represents a short polemic delivered by Wallerstein in a debate with modernization theorist Alex Inkeles at the meetings of the American Sociological Association in 1975. Wallerstein sought to demonstrate that modernization theory failed to create an adequate image of world social development. He also outlined the alternative theoretical and historical approach.

Это короткое полемическое выступление было прочитано в ходе дебатов с Алексом Инкелесом на заседании Американской социологической ассоциации в 1975 году. Я пытался похоронить теорию модернизации или, по крайней мере, показать, почему я отвергаю ее. Однако я опасаясь, что теория модернизации выжила в новых формах, но считаю, что все сказанное мной о ней сохраняет свою истинность.

Когда концепция умирает, кто-то пытается оживить ее с помощью ритуальных заклинаний, другие с плачем сожалеют о ее уходе, третьи делают вид, что ее никогда и не было, а кто-то раздражается при всяком упоминании о ней. И только Американская социологическая ассоциация служит заупокойную мессу.

De mortuis nil nisi bonum? Что касается персоналий, это, наверное, хороший призыв, однако в интеллектуальных или политических вопросах от него не много проку. Поэтому хотелось бы вкратце рассмотреть, каким образом в один прекрасный момент мировая социальная наука оказалась в этом тупике, известном как теория модернизации, и поскольку некоторым из нас удалось выбраться из него, выяснить, что же лежит впереди на горизонте.

Я не уверен, стоит ли делать обзор истории этой идеи, поскольку это уже делалось множество раз и по множеству поводов. Но поминовения обычно предполагают воспоминания.

До 1945 года еще представлялось обоснованным считать Европу центром мира. Даже антиимпериалистические движения за пределами Европы и на-

правленные против нее исходили из этой предпосылки. Но мир неизбежно менялся. И чтобы совладать с этим изменяющимся миром, западные ученые изобрели развитие, изобрели третий мир и изобрели модернизацию.

Для начала перечислим достоинства этих изобретений. Новые термины пришли на смену старым, утратившим привлекательность. Отсталые нации стали всего лишь слаборазвитыми. Желтая орда превратилась в третий мир. А прогресс больше не означал вестернизацию. Теперь можно было приступить к очистительной модернизации.

Прежде всего, новые понятия дарили надежду. Конечно, Африка никогда не изобретала колеса, несомненно, азиатские религии были фаталистическими, безусловно, ислам проповедовал покорность, конечно же, латиноамериканцы сочетали расовое смешение с отсутствием предпринимательской жилки, но зато теперь можно было с уверенностью утверждать, что эти недостатки являются не биологическими, а всего-навсего культурными. И если бы, подобно японцам, слаборазвитые нации были достаточно умны, чтобы изобрести туземную версию кальвинизма; или если бы можно было каким-либо образом побудить их изменить содержание детских книжек (хотя, конечно, для начала необходимо научить детей читать); или если бы в отдаленных деревнях установили транзисторные радиоприемники; или если бы дальневидные элиты, с помощью альтруистически настроенных чужеземных пришельцев, смогли мобилизовать погруженные во мрак невежества массы, или если бы..., тогда слаборазвитые нации смогли бы перейти через Иордан и ступить на землю, текущую млеком и медом. Вот такую надежду дарили теоретики модернизации.

Эта притча, бесспорно, была достойна своего времени. Можно было бы легко показать, как манипулировали ею хозяева мира. Тем не менее надо признать, что она поощряла бескорыстное и благонамеренное научное исследование, а также либеральное социальное действие. Однако пришлось время оставить детские забавы и взглянуть в лицо реальности.

Мы живем не в модернизирующемся, а в капиталистическом мире. И этим миром движет вовсе не потребность в достижении, а потребность в получении прибыли. Проблема угнетенных слоев заключается не в том, каким образом осуществлять коммуникацию в этом мире, а в том, как его низвергнуть. Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не представляют собой модели чьего-либо будущего. Все это — государственные структуры настоящего, частные, а не всеобщие институты, действующие внутри исторически своеобразной мир-системы, всегда находящейся в процессе развития.

Сравнительные измерения несопоставимых и неавтономных элементов — последнее в чем мы нуждаемся, когда общественная система, в которой мы все действуем, впервые в человеческой истории представляет собой органическую целостность, где все сводится к игре внутренних отношений, свойственных капиталистической мир-экономике: отношениям ядра и периферии, буржуазии и пролетариата, гегемонистской культуры и культуры сопротивления, господствующих страт, с их требованием применять универсалистские индивидуальные мерилы, и институционально угнетенных расовых и этнических страт, партии порядка и партии изменений. Эти отношения также поддаются измерению, но мы почему-то их до сих пор не измеряли.

Первый шаг, который нам необходимо предпринять, если мы желаем осмыслить наш мир, состоит в том, чтобы решительно отказаться от проведения каких-либо жестких границ между историческими и социальными науками и признать, что все они являются частью одной-единственной дисциплины, занимающейся исследованием истории развития человеческих обществ. Нет обобщений, истинность которых не была бы исторически ограниченной во времени, поскольку нет неизменных систем и структур. И нет такой совокупности или последовательности общественных событий, которую можно было бы в полном объеме осмыслить, не обращаясь к теоретическим конструкциям, функция которых заключается в том, чтобы создавать смысл, исходя из реальности.

Основной недостаток всех понятий, связанных с теорией модернизации, состоит в том, что они слишком аисторичны. В конце концов, современный мир не возник ниоткуда. Его рождение означало трансформацию особого варианта редиistribuтивного способа производства, существовавшего в феодальной Европе, в европейскую мир-экономику, основанную на капиталистическом способе производства. Этот процесс предполагал усиление государственных структур в зоне ядра европейской мир-экономики и их соответствующее ослабление на ее периферии.

С того момента как капитализм смог консолидироваться как система и откат стал невозможен, внутренняя логика функционирования этой системы, стремление к максимальной прибыли принуждали ее непрерывно разрастаться — вширь, экстенсивно, охватывая весь земной шар, и вглубь, интенсивно, посредством постоянного, хотя и неравномерного накопления капитала, создания стимулов механизации процесса труда с целью дальнейшего увеличения производства, расширения и оптимизации возможностей быстрого реагирования на пермутации мирового рынка посредством пролетаризации труда и коммерциализации земли. Вот что означает модернизация, если уж кому-то угодно использовать столь бессодержательный термин.

Однако какой бы термин мы ни использовали, всегда следует помнить, что суффикс “-ization” в английском языке содержит в себе антиномию. Он обозначает как определенное состояние, так и процесс его становления. Капиталистическая мир-экономика и после четырех-пяти столетий существования все еще не смогла прийти к полностью свободному рынку, свободному труду, свободному отчуждению земли и ничем не ограниченным потокам капитала. И, полагаю, никогда не сможет достичь этого. Ибо, с моей точки зрения, сущность капиталистического способа производства заключается в *частичной* свободе факторов производства. Фактически только в социалистической мир-системе мы сможем осуществить подлинную свободу, включая свободу потоков факторов производства. Вот что на самом деле скрывается за Марксовой фразой о “скачке из царства необходимости в царство свободы”.

Я не собираюсь проповедовать здесь какую-либо веру. Те, кто желает принять учение, примут его. А те, кто нет, будут бороться с ним. Скорее я хотел бы предложить тем, кто стремится к пониманию переживаемого нами перехода от капитализма к социализму, программу интеллектуального труда и таким образом содействовать его осуществлению.

Думается, что высший приоритет следует отдать изначальным проблемам, заботившим отцов социальной науки в XIX веке, пониманию капита-

листической мир-экономики как гештальта, целостности. Но как к этому прийти? Я вижу пять крупных, весьма значительных по своим масштабам сфер исследования.

1. Первая сфера касается внутреннего функционирования капиталистической мир-экономики как системы: институциональные способы превращения определенных географических зон в ядро, периферию и полупериферию этой системы и те пути, которыми отдельные единицы этой системы могут изменять и изменяют свое положение в этой иерархии; механизмы передачи прибавочной стоимости ядру; способы возникновения, консолидации и дезинтеграции классов, множество способов выражений и проявлений классовой борьбы, создание, поддержание существования и разрушение всех разновидностей “статус-групп” (этнонациональных групп, каст, образованных по расовому признаку, половозрастных групп); способы и формы переплетения этих “статусных” группировок с классовой структурой; культурное выражение конфликтующих интересов; модель взаимодействия между циклическими процессами экономических подъемов и спадов и вековыми эволюционными процессами, подрывающими основы стабильности системы; пути пролетаризации рабочей силы и коммерциализации земли, а также способы сопротивления этим процессам; воздействие государства на мировой рынок и его помощь особым группам, занимающим определенное положение на этом рынке; подъем антисистемных революционных движений.

Список получился длинный и это только в одной сфере. Но в то же время мы должны исследовать и другие сферы.

2. Прежде всего, мы должны заново поставить вопрос о том, каким образом и когда создавалась капиталистическая мир-экономика: почему переход к капитализму произошел в феодальной Европе, а не где-нибудь в другом месте; почему он происходил именно в это время, а не раньше или позже; почему более ранние попытки перехода не удались. Это не просто упражнение в археологической реконструкции; подобное исследование весьма важно для всестороннего осмысления характера нашей нынешней системы.

3. С этой проблемой взаимосвязана другая, почти не разработанная. В течение, по крайней мере, трех столетий (XVI–XVIII) капиталистическая мир-экономика функционировала рядом с существовавшими за ее пределами некапиталистическими социальными системами. Как она взаимодействовала с ними? И в частности, какие именно процессы позволили капиталистической мир-экономике инкорпорировать их?

4. В свете этих интересующих нас проблем становится понятным, почему мы должны обратиться также к сравнительным исследованиям различных исторических форм социальных систем, альтернативных способов производства. Сам я полагаю, что вплоть до нынешнего времени существовало только три способа производства: реципрокный (родовой) способ, который можно обнаружить в минисистемах, редистрибутивный (даннический) способ производства, свойственный мир-империям (как достигшим полного расцвета, так и практически распавшимся), капиталистический (рыночный) способ производства, присущий мир-экономкам. Но это не окончательная формулировка, и ее можно оспорить. В любом случае необходимо проделать огромную работу, чтобы просто правильно определить, какие исторические конструкторы отражали те или иные способы производства, и про-

вести соответствующие сравнительные исследования, прежде всего в рамках указанных систем, или способов производства, а затем и между ними.

5. Далее это подводит нас к вопросу о четвертой системе, основанной на социалистическом способе производства, нашем будущем мироправлении. В настоящее время мы переживаем переход к нему. Этот переход уже начался, и для его завершения потребуется определенное время. Но как мы отнесемся к нему? Как рациональные активисты, содействующие этому переходу, или как умные обструкционисты (злонамеренные или циничные)? В любом случае мы должны заново оценить многообразные “социалистические” опыты, рассматривая их как режимы, которые с большим или меньшим успехом стремятся трансформировать существующую мир-систему и вместе с тем служат отчасти прообразом мир-системы будущего. И нам необходимо разобраться с проблемой взаимоотношений революционных движений в различных политических подразделениях мир-системы.

Вы можете спросить, разве эта программа не гораздо шире, чем та узкая сфера исследований, на охват которой претендовала “модернизация”. Да, это действительно так. Но в этом-то все и дело. Теория модернизации послужила тому, чтобы увести нас от составления программы, способной обратиться к проблемам, которые, как предполагалось, находятся в центре ее внимания. Эта программа требует пересмотра наших исторических нарративов, накопления новых мир-системных количественных данных (почти с нуля) и, прежде всего, пересмотра и очищения нашего концептуального багажа.

Кое-кто наверняка скажет, что такая программа представляет собой регресс от научных достижений современной социальной науки к неточному и идеологически искаженному знанию XIX века. В ответ на такое заявление можно только привести слова, сказанные Томасом Куном при обсуждении проблемы исторического использования измерений в физических науках:

“Множество качественных исследований, как эмпирических, так и теоретических, обычно выступают необходимой предпосылкой плодотворной квантификации определенной области исследования. При отсутствии подобной предварительной работы методологическая установка “Иди и измерь” может оказаться только приглашением к пустой трате времени...”

Полная и основательная квантификация любой науки представляет собой достижение желанного совершенства. Однако на самом деле этого совершенства невозможно достичь только посредством измерения. Как в случае индивидуального развития, так и в случае научной группы, зрелость наиболее несомненно приходит к тем, кто умеет ждать”.

В течение последних тридцати лет мы проявляли нетерпение. И вино прокисло. Давайте вернемся к пункту, с которого мы начинали: понимание реальности нашего мира, который является капиталистической мир-экономикой на ранних стадиях перехода к социалистическому мироправлению. Эта дорога трудна как с интеллектуальной, так и с политической точки зрения. Но это дорога интеллектуальной честности и, вместе с тем, весьма многообещающая в научном плане.

Перевод с английского Андрея Малюка